

Глава 3. Господину канцлеру придётся подсластить мне победу

Юань Чэ резко развернулся, закрывая собой Шэнь Чжиюя. Сталь с противным скрежетом покинула ножны, и юноша замер, настороженно вглядываясь в пустоту.

На крепостной стене царила мёртвая тишина — ни души. Однако тяжёлый железный молот, вошедший в каменные плиты на добрую ладонь, красноречиво предупреждал о затаившейся угрозе.

— Решил гонять меня, как собаку? — недовольно буркнул Юань Чэ.

— Собаки куда послушнее, — отрезал Шэнь Чжиюй.

— Не время препираться, — посерьёзnel Главный советник. — Слушай внимательно. У «Жёлтых повязок» три отряда, и у каждого свой вожак. Тот, кого ты только что пристрелил у ворот, был их первым главарём.

Юань Чэ вскинул бровь, побуждая продолжать, и незаметно скользнул взглядом по застывшему рядом белому волку.

— Первый, Му Юй, был вспыльчив и обожал лезть в драку. Второй похитрее, он обычно держится позади и подбирает крохи за братом. Третий — трус, действует слишком осторожно и оглядывается на каждый шорох. Если мне не изменяет память, на штурм столицы явились только первые двое.

— Значит, если прирезать второго, это стадо останется без вожака? — спросил Юань Чэ.

Шэнь Чжиюй кивнул.

Юань Чэ сделал пару шагов к торчащему из камня молоту и вдруг, ни с того ни с сего, ухмыльнулся:

— Если я возьму его голову, господину Главному советнику придётся подсластить мне победу.

— Что?..

Шэнь Чжиюй не успел осмыслить услышанное, как Юань Чэ ухватился за рукоять тяжеленного молота, вырвал его из камня и с силой метнул куда-то влево.

— А ну брысь оттуда! — рявкнул он.

Огромное железное орудие сокрушило каменную балюстраду и увлекло за собой двоих мятежников, притаившихся в засаде. Те с воплями рухнули вниз. Поняв, что укрытие раскрыто, остальные бунтовщики с диким воем повалили наружу, на ходу обнажая клинки.

Этот хаос был Юань Чэ только в радость. В глазах северного волчонка вспыхнул хищный азарт. Длинная сабля в его руках задвигалась с пугающей лёгкостью. Чёрный вожак атаковал плечом к плечу со своим хозяином: огромный зверь прыгнул вперёд, подмяв под себя сразу нескольких мятежников мощными лапами. Сам Юань Чэ рванулся в обход, ухватился за опорный столб, изящно повернул корпус и одним слитным круговым ударом снёс четыре головы. Чисто, точно, без единого лишнего взмаха.

— Пошёл!

Белый волк мгновенно подхватил Шэнь Чжиюя за шкурку, закинул себе на спину и рванулся вперёд. Четыре других волка плотным кольцом окружили его, прорываясь сквозь брешь, которую прорубил Юань Чэ.

Судорожно вцепившись в густую шерсть зверя, Шэнь Чжиюй оглянулся назад.

Юань Чэ перехватил его потрясённый взгляд и оскалился в дикой, торжествующей улыбке.

После самоубийства императора мятежники лишились главной мишени и решили, что смерть Главного советника Шэнь Чжиюя станет идеальным знаменем краха Великой Чу. Шэнь Чжиюй лишь воспользовался их слепой яростью. Сделав себя приманкой, он заманил Юань Чэ и второго главаря бунтовщиков на крепостную стену, а затем велел запереть ворота, отсекая подкрепление. Это дало Юань Чэ идеальный шанс вырезать врагов поодиночке и предотвратить трагедию прошлой жизни.

Но вот о том, как спастись самому, Главный советник не думал.

Он вполне допускал, что сложит голову от рук бунтовщиков или сгорит в пламени уличных боёв.

Но уж точно не ожидал, что этот варвар станет раз за разом вытаскивать его с того света.

Юань Чэ вёл свою орду на юг ради трона, а вовсе не из благородного желания подавить смуту в Чу. Разве смерть верховного Главного советника не расчистила бы ему дорогу к власти?

Сверху один за другим летели трупы мятежников. Вскоре со стены спустился и сам Юань Чэ, восседающий на чёрном волке.

К нему подбежал запыхавшийся воин-гуйжун:

— Хозяин, город очищен от отребья!

Юань Чэ коротко хмыкнул. Напряжение покинуло его лицо, а в глазах угас безумный блеск недавней бойни. Размашистым движением стряхнув кровь с клинка, он с лязгом вогнал саблю в ножны.

Битва за столицу завершилась. Самое страшное осталось позади.

Белый волк, доставив ношу в безопасность, вернулся к своей стае. Шэнь Чжиюй мысленно усмехнулся собственной глупости и покачал головой, отгоняя лишние думы. Он уже собирался уйти, но едва успел развернуться, как затылок взорвался резкой, тупой болью. Мир вокруг мгновенно поглотила тьма.

Юань Чэ подхватил обмякшее тело под мышки и колени. Оценив тяжесть своей добычи, он довольно прищурился и зыркнул на остолбеневшего подчинённого:

— Чего застыл как истукан? Живо тащи пару придворных лекарей в резиденцию Главного советника! Из-под земли достань!

Когда к Шэнь Чжиюю вернулись крупницы сознания, он понял, что лежит на постели.

Вокруг царил полумрак. За окном, судя по всему, стояла глубокая ночь.

Сквозь полупрозрачный полог кровати угадывались силуэты. Двое мужчин, почтительно согнувшись, рапортовали вполголоса:

— Господин... Молодой господин... Кхм, с господином Главным советником всё будет хорошо. Внутренних повреждений нет, лишь множественные ушибы да порезы. Раны мы перевязали. Если принимать снадобья вовремя и соблюдать покой, недели через две он будет на ногах.

Голос лекаря дрожал так сильно, словно его собеседник мог в любой момент сожрать несчастного живьём.

Юань Чэ сидел во главе стола, буравя бедолагу тяжёлым взглядом. Дождавшись, пока спина несчастного лекаря взмокнет от холодного пота, он холодно, с явным недоверием процедил:

— Вы уверены? Покажи рецепт.

Дрожащие пальцы поспешно протянули исписанную бумагу. В покоях воцарилась гнетущая

тишина.

Очередной приступ головной боли заставил Шэнь Чжиюя зажмуриться, зрение снова поплыло. Проваливаясь в забытие, он успел расслышать лишь небрежное повеление Юань Чэ:

— Ступайте варить. И когда отвар будет готов, сначала выпьете его сами.

Когда Шэнь Чжиюй открыл глаза во второй раз, в комнату вовсю пробивался дневной свет.

Опасаясь сквозняков, слуги наглухо заперли все окна и двери, отчего в спальне резиденции Главного советника стоял сонный серый полумрак.

Действие болеутоляющих трав закончилось, и сознание вернулось к нему вместе со вспышкой дикой боли. Не сдержавшись, он тихо застонал. В ту же секунду полог кровати резко отлетел в сторону, и над ним склонился Юань Чэ.

Дитя суровых северных земель, Юань Чэ обладал высоким ростом, крепким телосложением и хищными, резкими чертами лица. На его шее, плечах и руках темнели причудливые, загадочные татуировки — племенные тотемы его народа. Сдвинув брови, он окинул взглядом скрючившегося от боли Шэнь Чжиюя и крикнул в коридор:

— Эй! Живо несите свежую мазь!

В комнату безмолвной тенью скользнула служанка. Опустив голову, она бесшумно оставила деревянный поднос на столе и тут же удалилась, не смея проронить ни слова или бросить лишний взгляд.

Шэнь Чжиюй тяжело откинулся на подушки. Глядя на решительный вид гостя, он понял: просить его уйти — пустая трата сил.

Юань Чэ тем временем взял с подноса склянку с мазью и чистые бинты. Небрежно запахнув подол халата, он присел на край постели и требовательно потянул к себе левую руку канцлера.

— Тсс... — зашипел от боли Шэнь Чжиюй.

— Потерпи, — Юань Чэ заметно ослабил хватку. — Постараюсь полегче.

Склонив голову, северянин бережно размотал окровавленную ткань. Кожа на бледном, словно выточенном из нефрита предплечье покрылась багровыми корками запекшейся крови.

Аккуратно насыпав на рану целебный порошок, он ровным слоем распределил лекарство и наложил чистый бинт. Закончив с рукой, Юань Чэ потянулся к одеялу.

Шэнь Чжиюй вздрогнул и судорожно вцепился пальцами в край покрывала, не позволяя обнажить остальное тело.

— Что такое? — Юань Чэ поставил склянку и навис над постелью, упёршись ладонями в матрас по обе стороны от канцлера. — За последние три дня на твоём теле не осталось ни единой царапины, которую я бы лично не обработал.

— Ты остался здесь только ради этих разговоров? — ледяным тоном спросил Шэнь Чжиюй.

— Разумеется, нет. В степях поговаривают, что на юге объявился молодой гений. Все грамотеи Поднебесной поют ему хвалу. Мол, он и в военных делах велик, и умом благословлён, да ещё и лицом пригож настолько, что глаз не оторвать. — Пальцы Юань Чэ скользнули по одеялу и принялись лениво перебирать упавшую на грудь канцлера чёрную прядь. — Ваша бывшая власть сгнила изнутри, а ничтожный трус на троне получил по заслугам. Может, господин канцлер теперь разделит судьбу со мной?

Шэнь Чжиюй промолчал.

Слова звучали мягко, но в тёмных глазах северянина не было и тени сомнения — лишь слепая, непреклонная воля.

В прошлой жизни он слышал это предложение без конца. Только тогда Юань Чэ был куда менее покладист. Заняв столицу, он велел согнать уцелевших сановников во двор и поставил перед простым выбором: верность или плаха.

Запуганные внешними врагами и внутренними распрями, почти половина чиновников поспешили преклонить колени ради спасения шкур.

Когда же очередь дошла до него, Юань Чэ жестом отогнал стражу, спустился с помоста и, дыша первобытной яростью, процедил прямо в лицо:

— Не смей, блядь, гробить себя из-за этого ничтожного труса.

Шэнь Чжиюй тогда лишь слабо усмехнулся сквозь боль:

— И кто ты такой, чтобы мне приказывать?

Воспоминания семилетней давности уже подёрнулись дымкой. Очнувшись от дум, Шэнь Чжиюй тихо вздохнул и спросил:

— Метишь в императоры?

— Само собой, — отозвался Юань Чэ.

— Я не стану твоим слугой, — отчеканил Шэнь Чжиюй. — Так что зря тратишь время. Хочешь убить — убивай.

Лицо Юань Чэ мгновенно потемнело.

Шэнь Чжиюй приготовился к очередной вспышке ярости, но варвар лишь медленно выпустил из пальцев шёлковые пряди волос и поднялся на ноги. С минуту в комнате висело тяжёлое молчание.

Перед тем как выйти, Юань Чэ остановился у самого порога и, не оборачиваясь, глухо бросил:

— Я не тороплюсь. Подумай ещё.

В его голосе чувствовалось колоссальное усилие, с которым он подавлял бушевавший внутри гнев. Хотя такой ответ и был предсказуем, принять его гордый северянин не мог.

Стоило Юань Чэ скрыться за дверью, как у покоев выросла стража из воинов-гуйжун. Канцлеру ясно дали понять: выход из комнаты ему заказан.

Так прошли три дня. Единственным посетителем, помимо угрюмого Юань Чэ, был придворный лекарь.

О завоевании престола Юань Чэ больше не заговаривал. Он лишь лично следил, чтобы Шэнь Чжиюй выпивал целебные снадобья до последней капли. По ночам дикарь притаскивал тяжёлое кресло к постели больного и спал прямо там, сложив руки на груди. От любого шороха он мгновенно вскидывался, настороженно прислушиваясь, и засыпал вновь лишь тогда, когда убеждался, что канцлер мирно дышит во сне.

Шэнь Чжиюя тяготило присутствие постороннего, особенно такого рослого и грозного. Однако, вопреки здравому смыслу, стоило этой огромной фигуре занять своё место у кровати, как на душе становилось спокойно, и канцлер засыпал глубоким, безмятежным сном.

Всё изменилось на третий день.

Воспользовавшись тем, что Юань Чэ ушёл на плац осматривать войска, один из стражей-гуйжун привёл в покои мальчишку.

Воин коротко поклонился:

— Нашли оборванца на улице. Божится, что он внук вашего старого управляющего, зовут Вэй Си. Всё рвался к вам. Хозяин сперва велел вышвырнуть его за ворота, но стоило ему взглянуть на мальчишку ближе, как он передумал и приказал доставить его сюда.

Мальчишку бесцеремонно втокнули в комнату. Едва завидев Шэнь Чжиюя, Вэй Си кубарем покатился по полу, с маху рухнул на колени и мёртвой хваткой вцепился в его одежду, заливаясь горячими слезами:

— Господин! О-о-о, господин, живой! Насилу до вас добрался!

К этому времени Шэнь Чжиюй уже окреп настолько, что мог ходить. Сидя за столом, он молча разглядывал нежданного гостя.

Вволю наревевшись и убедившись, что тяжёлые шаги стражника за дверью стихли, Вэй Си торопливо утёр нос широким рукавом и извлёк из-за пазухи измятый конверт:

— Господин, взгляните. Я и сам не понял, как это оказалось у меня в кармане. Кто-то подсунул прямо в толпе... А на конверте написано...

На плотной бумаге красовалось имя канцлера — послание предназначалось лично ему.

Шэнь Чжиюй принял письмо и вскрыл сургучную печать. Из надорванного края скользнул узкий клочок бумаги. Вэй Си ловко подхватил его с пола и протянул хозяину.

Строки были краткими: младший принц Ли Хай в плену. Если канцлер желает видеть мальчика живым, он обязан прибыть за городские стены в одиночку.

Внизу размашистым почерком была выведена подпись: Чэнь Ши. Третий главарь «Жёлтых повязок».

Бумага с хрустом смялась в кулаке Шэнь Чжиюя, взгляд его мгновенно заледенел.

Ни одна живая душа не знала правды. В прошлой жизни он вовсе не принимал яд и уж точно не кончал с собой ради мнимого «сохранения чести», как потом трубил на каждом углу Юань Чэ.

Его лишил жизни тот самый мальчишка. Его убил Ли Хай.

<http://bllate.org/book/20512/2106323>